

СЕВЕРОЧЕРНОМОРСКИЕ ЗАМЕТКИ

(По следам новых публикаций и исследований)

I. К надписи Агафа из Фанагории

Опубликованная в № 4 ВДИ за 1948 г. Т. В. Блаватской надпись из Фанагории в честь Агафа, сына Саклея, представляет собой весьма интересную эпиграфическую новинку. Несомненно, она еще не раз привлечет к себе внимание историков Боспора, хотя бы потому, что *cursus honorum* Агафа, сына Саклея, содержит в себе две неизвестные доселе на Боспоре должности: ἀρχιγραμματοῦχος τοῦ γραμματεῖου и κοσμητής. Функции их выясняются в пространном комментарии, сопровождающем публикацию и весьма способствующем определению значения новонайденной надписи, однако толкование текста вызывает все же в одном случае сомнение. Автор публикации переводит διὰ τὴν ὑπερβαλοῦσαν εὐνοίαν πρὸς τοὺς κυρίους βασιλεῖς как «благодаря выдающейся преданности владыкам-царям» (стр. 7—8 надписи) и понимает под этими владыками-царями

царей Боспора — Тибрия Юлия Евпатора и Савромата II, присоединяя к ним предположительно еще и Ремиталка I.

Между тем, выражение *οἱ χῆροι βασιλεῖς* в Причерноморье, так же как и в восточных провинциях Римской империи, употреблялось в это время для обозначения римских императоров. Мы не знаем случая, когда бы боспорский царь именовался *χῆρος βασιλεὺς*. Сам автор публикации указывает на то, что на Боспоре эпитет *χῆρος* засвидетельствован однажды применительно к императору Веспасиану (IOSPE, II, 355), которого Рескупорид I величает *χῆρος τοῦ συμπαντος Βοσπόρου*.

Аналогичную терминологию мы встречаем в Херсонесской надписи IOSPE, I², 404, где императоры неоднократно титулуются именно *οἱ βασιλεῖς* (II, стк. 15, 24, 27), а глаголом *χῆρω* выражаются их действия. Названная херсонесская надпись относится ко времени императора Коммода и, следовательно, хронологически близка новооткрытой фанагорийской надписи.

Цитированное выше место надписи в честь Агафа, сына Саклея, правильнее будет перевести поэтому «благодаря особенной преданности владыкам-императорам». Эта поправка имеет довольно существенное значение, так как вводит эту надпись в круг документов, свидетельствующих о сношениях Боспора с Римом во второй половине II в. н. э. Наиболее существенным из таких свидетельств, относящихся к царствованию предшественника Савромата II — Тибрия Юлия Евпатора, является упоминание Луккиана о посольстве, направлявшемся из Боспора в Вифинию к местному проконсулу для передачи ему очередной дани боспорского царя. О таких сношениях упоминает в своих письмах к императору Траяну Плиний Младший, бывший в 111—112 гг. н. э. проконсулом Вифинии (P l i n., ad Traian, XLII; LXIV; LXVI). Сообщая о посланцах боспорского царя Савромата I к Траяну, он имеет в виду посланцев двух категорий — курьеров (*tabellarius*) и послов в собственном смысле слова (*legatus*). Весьма вероятно, что именно такого рода посланцем (курьером), а не послом из Боспора в Рим был и Агаф, сын Саклея; если бы он был официальным послом (легатом, *πρεσβευτής*) боспорского царя, это обстоятельство, несомненно, было бы специально отмечено при перечислении его должностей. Упомянутое же в надписи *ἀφ' ἡγεμῆνος τοῦ γραμματείου* вполне может быть сопоставлено с титулом и должностью, выражаемыми латинским словом *tabellarius*.

Так как *οἱ χῆροι βασιλεῖς* фигурирует в надписи во множественном числе, то, вероятно, посольство Агафа, сына Саклея, относится еще ко времени совместного правления Марка Аврелия и Луция Вера и имело место, следовательно, до 169 г. н. э.

Хотя лица, упомянутые в надписи, Агаф, сын Саклея, и его сын Агаф, сын Агафа, не могут быть прямо отождествлены или сопоставлены с какими-либо лицами, известными уже ранее из эпиграфики Боспора, все же следует сказать, что подавляющее большинство упоминаний этого имени с различными отчествами, в том числе и несколько раз Агафа, сына Агафа (*Ἀγαθοῦ β'*) в горгинийских каталогах римского времени (IOSPE, II, 403; IV, 434, 436) делает весьма вероятным происхождение обоих наших Агафов из Горгиии (равно как и Агафа, упомянутого в надписи IOSPE, IV, 421 из Фанагории). При этом, будучи точно датирована, новая надпись имеет вследствие этого известное датирующее значение и для упомянутых каталогов.

II. К восстанию Аникета

Восстание Аникета, произошедшее на Кавказе в 69 г. н. э., должно быть рассмотрено в общей связи с теми событиями, которые характеризуют сопротивление причерноморских племен Риму, начиная от Митридатых войн и до борьбы Восточной Римской империи с племенами Кавказа в IV—VI вв. н. э., ставшей предметом повествования Агафия, Прокопия и других ранневизантийских историков.

Ввиду чрезвычайной скудости данных, восстание Аникета лишь однажды стало предметом специального исследования¹. А. И. Болтуновой был мобилизован значитель-

¹ А. И. Болтунова, Восстание Аникета, ВДИ, 1939, № 2, стр. 57.

ный материал, представляющий движение Аникета на широком историко-этнографической фоне и в кругу современных ему социальных движений против Рима, в пределах и у границ Римской империи. Разумеется, для выяснения различных сторон движения Аникета кое-что еще, быть может, удастся сделать и в будущем, несмотря на скудость источников. В частности, вопрос о племенах, принимавших участие в восстании, кажется мне, может быть поставлен несколько более определенно, чем это сделала А. И. Болтунова.

Движение Аникета привело к захвату одного из крупных военно-административных центров римской экспансии на Востоке—Трапезунта, города, служившего средоточием римских сухопутных и морских военных сил, охранявших Кавказское побережье и защищавших черноморскую торговлю от пиратства; взятие Трапезунта было осуществлено силами местных племен, при поддержке низших слоев городского населения в Трапезунте и в других менее крупных торговых и промышленных центрах побережья Кавказа — так по крайней мере следует, очевидно, понимать Тацита, являющегося единственным источником для истории восстания (H i s t., III, 47 сл.) и характеризующего его как движение общественных низов (*corrupto in spem rapinarum egentissimo quoque haud temnende manus*) и как войну рабов (...*helleque servili...*), действовавших вместе с прибрежными племенами. Что это были за племена, Тацит не говорит, называя лишь одно из них, а именно то, среди которого укрылся после поражения и бегства Анкет — племя неизвестных из других источников седохов, на реке Хобе.

Прежде всего должен быть решен вопрос относительно загадочного племени седохов. Текст Тацита дает для этого важные опорные точки: он указывает, что седоходы, царь которых предоставил убежище Аникету, жили по реке Хобу—наименование, прилагавшееся, по крайней мере в римское время и латинскими авторами к реке Ингуру¹, а не к реке Хопп, как это делает, вслед за многими другими новейшими исследователями, А. И. Болтунова. В этой местности, к югу от Диоскуриады, где в Черное море впадает р. Ингур, жили уже в середине I в. н. э., как это известно через П о м п о н и я М е л у (I, 111) и через П л и н и я (NH, VI, 16), племена генихов, тогда как С т р а б о н (XI, 2, 14), писавший в начале I в. н. э., указывает их южную границу еще у Питгунта.

Косвенным подтверждением того, что в восстании Аникета принимали участие именно генихи, является свидетельство Тацита, сообщающего, что повстанцы явились к Трапезунту на разбойничьих судах-камарах, устройство которых он затем подробно описывает. Опять таки из С т р а б о н а (XI, 2, 12) известно, что именно генихи вместе с ахеями занимались разбоем и, плавая на своих камарах, при поддержке царей Боспора господствовали на Черном море.

Если Страбон отводит для генихов довольно значительную часть Кавказского побережья, то П л и н и й указывает еще и на множественность генихийских племен (*multis nominibus Heniochorum gentes*, NH, VI, 14). Некоторые из них Плиний называет сам (абсилы, саниги), другие же становятся известны из более позднего и подробного источника — перипла Арриана. Перипл Арриана называет генихов необычным образом рядом с макронами². Затем, далее к северу по Черноморскому побережью он называет зидритов, лазов апсиров, абасгов и санигов, в земле которых находится Севастополь (Диоскуриада). Далее к северу Арриан упоминает еще племя зилхов, чье имя должно быть сопоставлено со страбоновыми зигами, называемыми им в числе «разбойничьих племен» вместе с ахеями и генихами. Важным для нас обстоятельством является и то, что Арриан к северу от Диоскуриады помещает р. Абаск, связанную

¹ См. P l i n., NH, VI, 12: *flumen Chobum per Soanos fluens*; более подробно о мотивах этого отождествления см. ВДИ, 1938, № 3, стр. 315.

² Племя, известное у юго-восточного угла Черного моря в районе Трапезунта уже Гекатею Милетскому и подробно описанное К с е н о ф о н т о м (Anab., IV, 8, 1 сл.); более поздние писатели отождествляют макронов с саннами (A r r., PPE., 15), имя которых вряд ли может быть оторвано от названных выше саннигов (санигов или санихов по другим чтениям).

своим наименованием с названными ранее абасгами, и Старую Лазикку, откуда, видимо, происходят названные между зидритами и апсилами и локализуемые в южной части восточного берега Черного моря лазы — племя, имя которого позднее, в IV—V вв. н. э., распространилось на всю Колхиду, именуемую у ранневизантийских авторов Лазикой.

Все названные Аррианом между Трапезунтом и Диоскуриадой племена, или отсутствуют в обычной у древних авторов (вплоть до Страбона) диафесе племен или фигурируют в ней применительно к северному участку восточного берега Черного моря. Таким образом, картина расселения вышедших из ахейско-гениохийских пределов племен, какую мы находим у Арриана, свидетельствует о значительных передвижениях, происшедших в период от Страбона и до Арриана, т. е. круглым счетом за сто лет, и, с другой стороны, об известном стремлении северокавказских племен к югу, точнее к юго-восточному углу Черного моря.

Наиболее раннее свидетельство, характеризующее эту тенденцию, мы находим именно у Страбона, помещающего в указанном месте (по соседству с саннами и халдами) племя апнаитов, «ранее называвшихся керкетами». Керкеты же и у Страбона и у более древних авторов локализируются между синдами (меотами) и ахеями, т. е. в северо-восточном углу Черного моря. Необходимо, очевидно, предположить, что во время, недалеком от Страбона, часть племени керкетов, под именем апнаитов, переселилась из области Северного Кавказа на пространство между Колхидой и Малой Арменией. Керкеты также принадлежали к числу ахейско-гениохийских племен и, может быть, поэтому границы племени гениохов могут быть продвинуты в глубь Кавказа, вплоть до Армении, где их помещает Тацит¹.

Как бы то ни было, появление новых племенных наименований, вышедших из общей массы гениохийских племен, и продвижение этих племен на юг произошло в эпоху между Страбоном и Аррианом. Ближайшим свидетелем этих событий является для нас Плиний, писавший в 60—70-х годах I в. н. э., у которого диафеса восточночерноморских племен представляет собой смесь традиционных данных, восходящих к древнеионийским периплам, с данными, полученными им видимо из военных дорожников Корбулона (ср. NH, VI, 11 сл.). У него, наряду с древнейшими массиниками (Massini, NH, VI, 11), макрокефалами и бехирами (ср. P s.-S c y 1., 79 сл.) в южной части Кавказского побережья фигурируют махороны, саниги, герпохи, ампревты, лазы, фтейрофаги, отождествляемые у более древних авторов с гелонами, у П л и н и я же названные салтиями (NH, VI, 14); крепость Себастополь помещена между областями абсиллов и саниггов, за которыми к северу снова показаны гениохи. Таким образом, из диафесы Плиния передвижение гениохийских племен к югу вырисовывается весьма наглядно.

Об особенно интенсивном проникновении гениохийских племен в Колхиду и в области к югу от нее в 50-х и 60-х годах I в. н. э. свидетельствуют факты, сообщаемые Помпонием Мелой и Плинием. Помпонию Мела, как указано выше, помещает Диоскуриадой², до того являвшуюся центром Колхиды, в области гениохов; П л и н и й же сообщает о том, что город, недавно столь славный, находится в запустении (NH, VI, 15) и прибавляет к этому несколькими строками ниже, что и богатый город Питиунт разграблен гениохами (NH, VI, 16); об этих событиях еще ровно ничего не знает Помпонию Мела, писавший в 40-годах I в. н. э.

¹ App., XIII, 37, конъектура; в рукописях *Insonchi*, ср. App., II, 68. Впрочем, имя гениохов упоминается в связи с этими местами не впервые. Возможно, что оно звучит и в древнеурартском «игани», см. П. У ш а к о в, ВДИ, 1946, № 2, стр. 37. Оно же звучит, быть может, и в позднейшем лезгинском — гайнухи.

² Наиболее крупные населенные пункты Колхиды — Диоскуриада и Питиунт — стали предметом римских интересов еще, вероятно, во время войны Помпея с Митридатом, когда первый достиг Фасиса. При Августе близ Диоскуриады было построено укрепление Себастополь, помещаемое Агриппой (у П л и н и я, NH, VI, 14) на расстоянии ста миль от Фасиса. Колхиды, а следовательно, и названные пункты, входила в эпоху Страбона (XI, 2, 18) и в последующие годы в царство Птолемеев, лишь при Нероне (около 62 г. н. э., S u e t., Nero, 18) обращенное в римскую провинцию.

Эти известия не могут не быть поставлены в связь с событиями, приведшими к восстановлению Аникета. Гениохийские племена, среди которых укрывался от Помпея Митридат, были враждебны Риму еще в I в. до н. э. Их экспансия в южном направлении и их разбойничья морская торговля не могла не вызвать отпора и репрессий со стороны римской провинциальной администрации, чем и следует объяснить постройку укреплений и помещение римских гарнизонов в Абсаре, Фасисе и Диоскуриаде (Сébastополе). Хотя Колхид и Черноморское побережье к северу от нее и не были включены при Пероне в образованную из Полемопова царства Понтийскую провинцию, не подлежит сомнению, что племена, населявшие Кавказское побережье, находились в какой-то степени зависимости от Рима. Об этом свидетельствует Иосиф Флавий, упоминающий (VI, II, 16, 4) о племенах колхов, гениохов и других причерноморцах, которые удерживаются Римом в повиновении с помощью трех тысяч гоплитов и сорока военных судов. Иосиф Флавий имеет, очевидно, в виду те помещавшиеся в Трапезунте вспомогательные войска и тот флот, о которых упоминает в связи с историей восстания Аникета и Тацит. Воспользовавшиеся ослаблением римских военных (морских и сухопутных) сил на Кавказе, на что специально указывает в цитированном месте Тацит, гениохы захватили и разграбили Питиунт, Диоскуриаду и Трапезунт. Следует думать, что ими не были пощажены и такие торгово-административные пункты побережья, как Фасис, Абсар, Архабий и др.

Если сообщение Тацита о захвате гениохами во главе с Аникетом Трапезунта не может быть поставлено в прямую хронологическую связь с сообщениями Плиния о разграблении гениохами Питиунта и Диоскуриады, то все же и то и другое события являются, несомненно, эпизодами одного и того же описанного выше процесса расселения гениохийских племен по южной части Кавказского побережья Черного моря. И скорей всего именно племя гениохов-санигов (санихов), фигурирующее у Плиния и Арриана к югу от Диоскуриады, должно быть сопоставлено с сегохедами Тацита, ибо как раз сапиги, в земле которых находится Сébastополь, должны были жить и по берегам близтекущего (в 120 ст. = 24 км) Хоба-Иштура. В устье этой большой реки, где Арриан во время своего плаванья стал на якорь, действительно мог укрыться флот Аникета, вероятно, состоявший из большого количества камар. Выдача Аникета, несомненно, явилась плодом ловкой римской дипломатии, а гениохы по этой причине получили от Тацита наименование племен, более других дружественного Риму (II, XIII, 37). Таким образом, восстание Аникета должно быть осмыслено как один из эпизодов борьбы причерноморских племен с Римом за свою независимость в эпоху бурного процесса расселения и расселения гениохских племен на просторах Западного Кавказа.

О том, что восстание Аникета было тесно связано с движением горцев против их оккупации Римом, свидетельствует, кроме того, несомненно, и самое имя вождя этого восстания. Аникет (*ἀνίκητος*, *invictus*) — распространенный эпитет солярных божеств плодородия, отождествлявшихся повсеместно с божествами-героями и родоначальниками. Зафиксирован он, в частности, и для Геракла (*Apollo d.*, *Bibl.*, II, 7, 7), с которым должен быть сопоставлен бог-герой Санерг, засвидетельствованный эпиграфически (IOSPE, II, 346), чье имя, связанное с распространенным в Малой Азии эпитетом Геракла *Σαυδακ*, *Σαυδων*, не может быть в то же время оторвано от наименования гениохийского племен санигов.

Принятие Аникетом — человеком, испытавшим тягости и унижения рабского состояния, этого эпитета Митры или Геракла в качестве имени убеждает в том, что им и его соратниками (быть может, также и соплеменниками, ибо он как вольноотпущенник Полемопа мог происходить из среды местного населения) владели те же утопические идеи «золотого века», что и Аристоником, вождем малоазийского восстания рабов против Рима во II в. до н. э., и Савмаком — вождем скифского восстания на Боспоре (судя по изображению Савмака на его монетах в виде дара из солнечных лучей)¹.

О том, что связь всех этих имен и идей отнюдь не является плодом нашего домысла,

¹ См. об этом подробнее ВДИ, 1946, № 4, стр. 54 сл.

свидетельствует еще и в прошлом столетии жившая в области Трапезунта слава о боге-герое Акрите — Аникете¹. В честь его исполнялись народные песни, указывались им построенные крепости. Близ Трапезунта около Телекли-тази известна была и его могила (т. е. культовое место), куда по обычаю послали новорожденных детей для защиты их от злых чар.

Предания об Акрите — Аникете стали в византийскую эпоху предметом эпоса, зафиксированного еще до взятия Трапезунта турками и опубликованного в 1870 г. ученым греком Саввой Иоаннидом². Через этот византийский эпос, а может быть, даже более глубокими и древними путями, представления об этом боге-герое, воодушевлявшем в I в. н. э. кавказских горцев на борьбу с Римом, проникли и в русский фольклор и живы в нем в сказаниях об Анике-воине, знаменитом разбойнике, борце за справедливость и борце со смертью³.

III. Римляне у Каспийских ворот

Недавно в нашей печати была опубликована наскальная надпись из района горы Беюк-даш⁴.

Находка этой надписи знаменательна во многих отношениях. Прежде всего она заполняет до некоторой степени лакуны в источниках, характеризующих действия римской провинциальной военной администрации на Кавказе во времена Домициана. Из сопоставления свидетельств Тацита и Иосифа Флавия следует заключить, что Нерон, как и его предшественники, в своих планах против Парфии всячески стремился укрепить позиции Рима на Кавказе. В осуществление этой политики Понтийское царство было обращено в провинцию, а колхи, гениохи и другие прибрежные племена поставлены в зависимое положение от Рима (I o. s., VI, II, 16, 47).

Известно далее, что в правление Нерона для поддержки римского ставленника на армянском престоле — Митридата (T a c. A n n., XII, 44) в крепости Горнее (Гарни) был помещен римский гарнизон. Подобная же связь Рима с Иберией иллюстрируется известной надписью из Мцхета, датируемой 75 г. н. э. (время Веспасиана) и сообщающей о постройке римскими военными силами оборонительных стен для иберийского царя Митридата, сына Фарасмана, в Гармозике⁵. Эти и другие им подобные мероприятия были направлены на удержание Армении в большей или меньшей зависимости от Рима. Римлянам было важно иметь свободный доступ в Армению для захода в тыл или, по крайней мере, во фланг парфянских военных сил, и во всей цепи римских мероприятий чувствуется стремление к тому, чтобы держать свободной «Каспийскую дорогу» — путь из Колхиды к южному берегу Каспийского моря, которым прошел Помпей и который имел существенное торговое значение для римлян в I в. н. э. (ср. P l i n., NH, VI, 15). В этих именно видах, при дружественных отношениях с парфянами, во времена Веспасиана в Каппадокии был помещен легион XII Fulminata, а позднее, при Траяне, к нему присоединен легион XV Apollinaris; подразделения этих легионов и их вспомогательные отряды не раз затем фигурируют в кавказской эпиграфике.

К XII легиону принадлежал, как видим, и тот его отряд, который под командованием центуриона Луция Юлия Максима совершил экспедицию к границе Дагестана, к той части берега Каспийского моря, которая в новое время называлась Дербентским

¹ Защитнике, заградителе, сравните также эпитет Зевса ἀκραῖος — горный.

² Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζούντος καὶ τῆς περὶ ταύτην χώρας ὡς καὶ τὰ περὶ τῆς ἐνταύθα ἑλληνικῆς γλώσσης, ὑπὸ Σαβ. Ἰωαννίδου, Κωνστ., 1870, стр. 35 сл.

³ См. об этом у И. Жданова, К литературной истории русской былевой поэзии, Киев, 1881, стр. 62 сл.

⁴ См. «Доклады Аз. ФАН», 1948, вып. 7, стр. 304 и 312 сл. и ИАМ Аз. ССР, 1949, № 1, стр. 79 сл. Текст надписи см. выше, стр. 177, сл., статью Э. Я. Ямпольского.

⁵ Помяловский, Сб. греч. и лат. надп. Кавказа, 1881. № 129

проходом, а в древности — Каспийскими воротами (это наименование, как известно, прилагалось в древности также к проходу из Мидии в Парфию, а также к проходу из Грузии на Северный Кавказ). Цель экспедиции была, вероятнее всего, карательная: против албанов или проникших через Каспийские ворота к границам Армении алано-сарматских племен. Руководитель этой экспедиции, запечатлевший имя своего легиона и свое собственное у берегов Каспия, ближе неизвестен, но его, с достаточной степенью вероятности, можно поместить между двумя носителями того же самого имени, происходящими из Немауза (Нима) в Галлии, из которых первый был отмечен почетными должностями в своем родном городе при императоре Августе (CIL, XII, 3180), а второй участвовал, в качестве военного трибуна легиона V Macedonica, в дакийской войне, а позднее был легатом легионов IV Flavia и I Adiutrix (CIL, XII, 3167). Так как в надписи не названо имя императора, при котором происходила упомянутая в ней дакийская война, сама же надпись по характеру шрифта датируется II в. н. э., то речь может идти о дакийских экспедициях Домициана или Траяна.

После того как при Траяне Армения была обращена на некоторое время в римскую провинцию, мы позже, при императоре Марке Аврелии, встречаем снова отряд (вексилляцию) XII легиона вместе с вексилляцией XV легиона запятыми построшкой укрепления, находившегося на месте современного Эчмиадзина, где помещался римский гарнизон, поддерживавший римского ставленика на армянском престоле — Согема (см. ИАК, вып. 33 (1909), стр. 1 сл.). Возможно, что уже и при Домициане, скорей всего где-либо вне пределов Армении (может быть, в Абсаре или Фасисе или в иберийской Гармозике), находился римский гарнизон из состава XII легиона, отряд которого под командой центуриона этого легиона Л. Юлия Максима и совершил ту экспедицию к Каспийским воротам, о которой свидетельствует непооткрытая надпись.

IV. О наименовании Черного моря в древности

Происхождение наименования Черного моря давно уже интересует науку. Вопрос этот привлекает к себе внимание прежде всего с точки зрения выяснения причины приложения такого наименования к морю, цвет воды которого вряд ли является более темным, чем в других морях средиземноморского или иных бассейнов (впрочем, уже не раз было высказано мнение, что черноморская вода имеет в некоторых случаях темносиний или даже черноватый оттенок)¹. Наименование это во всяком случае прочно держится во всех новых языках народов, его окружающих. «Черным» называют его турки (Kara dengiz) и современные греки (Μαυρή θάλασσα). С другой стороны, вопрос о наименовании Черного моря представляет особый интерес ввиду того, что в древности малоазийские греки, колонизовавшие берега этого моря, называли его «Евксинским понтом» (Πόντος Εὐξείνιος), что значит «Гостеприимное море». Греческие географы отмечали, что это название дали ему милетские мореплаватели, а что-де до этого греки называли Евксинский понт Πόντος Ἰξείνιος, что означает «Негостеприимное море». Сообщающий эти сведения Страбон (VII, 3, 6) отмечает при этом, что «Негостеприимным» Черное море было названо из-за бурь и дикости населявших его берега племен, в особенности скифских, приносивших чужеземцев в жертву, и т. п.

Из этого текста Страбона становится ясно, что ионийские греки переименовали Черное море из «Негостеприимного» в «Гостеприимное» «эвфемистически», т. е. из суевеких чувств и для благополучного предназначения. Ясны как будто бы и мотивы, по которым греки, до начала ионийской колонизации черноморских берегов, называли их «негостеприимными».

Почему же все-таки море позднее стало именоваться «Черным»? Тем более, что наименование это применительно именно к Евксинскому понту не было вовсе чуждо древности. Мы находим его, например, у Еврипида в «Ифигении в Тавриде», где μέλας

¹ В. Л а т ы ш е в, Исследования об истории и государственном устройстве древней Ольвии, 1887, стр. 1 сл.

πόντος (стр. 107) употребляется как раз в интересующем нас смысле, а у Гомера встречаются выражения μέλας ὄβωρ, μέλας ἄβυξ, опять-таки представляющие реальные примеры возможности приложения подобного наименования к определенному морскому бассейну.

А. Ф. Воеводский, высказавший на VI археологическом съезде свои соображения по поводу происхождения названия «Черное море»¹, пытался истолковать это наименование с мифологической точки зрения. Стараясь угадать в различных мифологических объектах и их именах астральный смысл, Воеводский полагал, что под киммерийцами древние греки понимали звезды, а их обиталище — в данном случае берега Черного моря — надо себе представлять поэтому как ночное небо. Из подобной символики Воеводский, опираясь также на мифологию древних славян, в частности на соответствующую символику русских народных сказок, выводит причину наименования Евксинского попта Черным морем.

Наивность подобных объяснений была почувствована давно, так же как давно было обращено внимание и на то, что многие древнегреческие географические имена, прилагавшиеся к варварским объектам, представляют собой не более как адаптацию и этимологизацию местных наименований.

И так же достаточно давно уже было отмечено фонетическое сходство древнегреческого Ἰσχυρός с библейским Aškenaz — имя, которым на древнееврейском языке обозначали скифов. Предположение о том, что Aškenaz лежит в основе древнейшего наименования Черного моря, перетолкованного греками на Ἰσχυρός, получило уже в середине прошлого века поддержку со стороны многих ученых. У нас его развил и подкрепил новыми доводами В. Ф. Смолин², указавший на то, что ассириологические исследования, имевшие место в начале этого столетия, подкрепляют предположение о происхождении Ἰσχυρός от Aškenaz, устанавливая тождество последнего с ассирийским iškuza, убедительно истолкованным Винклером как ассирийская форма имени скифов³. Получилось, таким образом, что Черное море именовалось в древности первоначально «Скифским морем» и лишь греками, в порядке этимологизации, было переименовано в «Негостеприимное». Следует вспомнить, что Aškenaz толковалось ранее так же, как Ἀσχιός — «фригийский», и Черное море по этому толкованию должно было называться первоначально «Фригийским морем»⁴ — по имени народа, который на берегу этого моря даже и не жил. Понятно поэтому, что истолкование aškenaz как iškuza «скифский» значительно прибавило убедительности предположению о происхождении наименования Πόντος Ἰσχυρός от этого древнееврейского слова, тем более, что понятие «Скифского моря» вообще грекам не было чуждо и засвидетельствовано в литературе (Σκυθικός πόντος, Theog. rit., XVI, 99; ср. Seneca, Med., 212). Можно было бы также думать, что существование слова aškenaz в арамейском языке позволяет предполагать его происхождение из финикийского, [а не из древнееврейского словоупотребления, что увеличило бы шансы на возможность его применения в качестве прилагательного к имени моря, финикийцам, вероятно, небезызвестного. Однако, во-первых, употребление этого слова в качестве такого прилагательного все же нигде прямо не засвидетельствовано, не засвидетельствовано оно и в отношении iškuza, поэтому предположение о происхождении названия Πόντος Ἰσχυρός от aškenaz или от iškuza не имеет за собой никаких определенных доказательств, за исключением фонетического сходства. К тому же наименование Черного моря «скифским» в греческой литературе далеко не столь уже употребительно (мы затруднились бы указать какие-нибудь примеры, кроме вышеприведенного), чтобы на этом можно было настаивать в смысле установления за ним древней и прочной традиции, если не в литературе, то хотя бы в устном предании.

¹ Труды VI археол. съезда в Одессе, II, 1888, стр. 124 сл.

² К вопросу о названии Черного моря в древности, ИТУАК, 53 (1916), стр. 90 сл.

³ Altorientalische Forschungen, I (1897), стр. 486 сл.

⁴ K. Neumann. Die Hellenen im Skythenlande, 1896, стр. 347.

Сравнительно лишь недавно было обращено внимание и на тот факт, что греческое ἄξενος звучит весьма близко к древнеперсидскому ахшаена, что означает «темный»¹. засвидетельствованному в словаре Авесты.

Это весьма заманчивое сопоставление, утверждающее, с одной стороны, за традицией наименования Евксинского моря «Черным» приоритет и давность, весьма остроумно объясняющее, с другой стороны, происхождение греческого Πόντος ἸΑξένος в порядке этимологизации древнеиранского ахшаена, встретило было также веские возражения². Они сводились, как и в случае с ἄξενος — askenaz — iškuzā к тому, что ахшаена не засвидетельствовано как прилагательное, характеризующее цвет воды, ни тем более как наименование моря, и что в языке Авесты вряд ли могло существовать свое оригинальное наименование Черного моря, находившегося за пределами круга ее географических представлений.

При всей справедливости этих возражений в пользу возможности сопоставления ахшаена — ἄξενος и установления античной традиции для наименования Евксинского понта «Черным» говорит, однако, то обстоятельство, что слова, близкие фонетически и этимологически к ахшаена, имеются и в других иранских и родственных им диалектах, а не только в языке Авесты, как, например, в новоперсидском — хаšin (темноспилый) и в осетинском — äxsin (темносерый)³.

В особенности же плодотворной для поддержания правомочности этого сопоставления оказывается конъектура, предложенная А. А. Фрейманом к пассажиру гл. XIII иранской «Космологии» (Bundahišn) среднеперсидского текста, содержащего наименование трех морей, из которых одно должно соответствовать Черному морю, и читается, с поправкой Фреймана к написанию этого слова, как хаšen.

Три главных моря, названные в тексте, толкуются как Персидский залив (Индийский океан), Каспийское море («Малоречное», Kamrōd) и, наконец, третье названное выше море локализуется «в Руме», т. е. в пределах Византийских владений, что и позволяет без колебаний отождествить его с Черным морем.

Значение этого факта, зафиксированного текстом, восходящим отдельными элементами своего содержания к эпохе Авесты, а в целом датирующегося сасанидским временем, заключается в том, что им, с одной стороны, подтверждается возможность возникновения греческого наименования Πόντος ἸΑξένος как перетолкования и осмысления древнеперсидского ахшаена или какого-либо близкого ему слова из родственных древнеиранскому языков Кавказа, которым обозначалось Черное море; с другой стороны, факт этот устанавливает существование непрерывной литературной традиции, свидетельствующей о наименовании Евксинского понта «Черным (темным) морем» у иранских и кавказских народов. Что это наименование не было неизвестно грекам, о том свидетельствует приведенный выше эпитет μέλας у Еврипида, приложенный им именно к Черному морю.

Что же касается «негостеприимности» Черного моря в древнейшую эпоху греческой истории, то, несмотря на наличие на берегах его диких племен, известных своим пиратством и в значительно более позднее время (крымские тавры и «ахейские» племена Кавказского побережья — ахеи, гениохы, зиги и др.), — соответствующие предания, нашедшие свое отражение в мифе об Ифигении и, может быть, еще раньше, в мифе о леэтригонах, должны быть всецело отнесены к области легенды. В распоряжении современной археологии имеется достаточно фактов, неопровержимо свидетельствующих о «гостеприимстве» причерноморских жителей по отношению к пришельцам с эгейских берегов и из переднеазиатских стран. Об этом говорят многочисленные находки предметов ввоза в Северное Причерноморье преимущественно бронзовых изделий, указывающие

¹ На возможность происхождения ἄξενος в наименовании Черного моря от ахшаена указал М. V a s m e r, Die Iranier in Südrussland, 1923, стр. 20, а также B o i s a c q, Revue Belge de Philol., III, (1924), стр. 315 сл.

² А. С. M o o r h o u s e, Cl. Quart., XXXIV (1940), стр. 123.

³ С. М. А. Ф р е й м а н, Название Черного моря [в домусульманской Персии], ЗКВ, V, (1930), стр. 650.

на существование культурных связей у причерноморских жителей с восточными и южными странами, начиная с III тысячелетия до н. э.¹ Греческая колонизация черноморских берегов была лишь одним из средних звеньев, а отнюдь не началом истории сношений и связей Причерноморья с другими странами.

По поводу же не лишено оснований предположения о наименовании Черного моря в определенной связи и в определенное время «Скифским морем» приходится констатировать, несмотря на наличие древних подтверждений этого наименования (см. выше), отсутствие прочной и долговременной традиции, которая бы свидетельствовала в пользу его живучести и распространенности. То же самое может быть сказано и о других названиях, прилагавшихся к Черному морю в более позднее время, на протяжении истории живущих вокруг него народов.

Л. А. Ельницкий